

Троицкая неделя в локальных традициях северо-востока Брянской области

Мажукина Анна Александровна

Московский государственный юридический университет им.

О.Е.Кутафина

Статья посвящена специфике троицких обрядов нескольких локальных традиций северо-востока Брянской области. Отличительной особенностью Брянского края является то, что регион находится на украинско-белорусско-российском пограничье и отражает ему присущее этнокультурное многообразие.

Были обследованы следующие населенные пункты: д. Щегловка, д. Соколово, д. Святое Навлинского района; с. Ружное, пос. Согласие Карачевского района; с. Отрадное (до 1964 г. село назвалось Голяжье) и пгт Большое Полпино Брянского района; с. Овстуг, д. Тросна Жуковского района. В статье обобщены полевые записи, сделанные в экспедициях на протяжении 2010—2015 гг., 16 коллективных (с. Ружное — 2; с. Бяково — 2; с. Отрадное — 4; пос. Согласие — 1; д. Щегловка — 2; д. Святое — 1; пгт Большое Полпино — 1; пгт Навля — 1; д. Соколово — 1; с. Овстуг — 1) и 48 индивидуальных (с. Ружное — 20; с. Бяково — 4; с. Отрадное — 8; пгт Навля — 2; пос. Согласие — 2; д. Щегловка — 3; д. Святое — 1; д. Тросна — 1; с. Овстуг — 4; д. Соколово — 1; пгт Большое Полпино — 2). Общее число информантов составило 47 человек. Дополнительными источниками информации служили личные коллекции предметов быта, а также фотоархивы информантов.

В осмыслении и интерпретации полевого материала помогли фонды Брянского государственного областного краеведческого музея, Брянского областного методического центра «Народное творчество», Карачевского краеведческого музея, Музея Щегловской СОШ Навлинского района

Брянской области, Дома культуры с. Отрадное Брянского района, Государственных архивов Брянской и Орловской областей.

Изучения народных календарных обрядов Брянского края важно ещё и потому, что в настоящее время силами фольклорных коллективов на Брянщине пытаются реконструировать троицкие обряды, совершая при этом множество ошибок. Приведу только один пример. В пгт Большое Полпино в реконструированном варианте берёзку увивают, завязывая на ней ленты, на Троицын день (воскресенье) все подряд: дети, мужчины и женщины в том числе люди пожилого возраста. Однако в аутентичном варианте обряда принимали участие только девушки, и проводился он на Николу (22 мая), при этом лент не вязали — просто водили вокруг дерева хороводы.

Хронологическими рамками исследования можно считать конец XIX в. — настоящее время. Такие выводы были сделаны благодаря возрасту информантов, который варьировался от 63 лет [МАА] до 101 года [ИЕИ].

Обрабатывая собранные нами материалы, мы пришли к выводу, что обрядовые особенности исследуемых сел и деревень до сих пор последовательно не описаны. В связи с этим мы обратились к описаниям троицких обрядов других местностей, сделанных Д. К. Зелениным, А. А. Коринфским, В. К. Соколовой, Т. А. Агапкиной и др.

К обрядам Троицкого цикла, как и к другим календарным праздникам, применима методика описания целостных обрядовых действий, разработанная Московской этнолингвистической школой, как единой системы различных семиотических кодов (предметного, акционального, вербального, музыкального, хореографического) и уровней (языкового, социального, функционального) (см., например: [3. С. 51—61]).

Проиллюстрировать применение положений данной теории к конкретному материалу брянской Троицы можно на примере анализа обряда «похороны кукушки». Персонажный код обряда наглядно представлен в записях из д. Щегловка и д. Тросна. В обоих населённых пунктах был обряд «похороны кукушки», но проходил он по-разному. Его участницами в

Щегловке становились исключительно девочки 7—10 лет, в то время как в Тросне в обряде принимали участие представительницы всех возрастных групп женского пола: «Ещё у школу не ходили, дети такие собирались. По шести лет. А потом и 7 лет, а потом и 10 лет и боле. Усё такое делали мы, дети» [ААА]. Также есть отличия в дате проведения обряда: в большинстве обследованных деревень действие происходило на Духов день: «Ходили у лес, зарывали куклу — кукушку. Это на Духов день» [ИЕИ], а в с. Ружное и пос. Согласие то же самое делали в праздник Вознесения.

В предметном коде также наблюдаются различия. Например, в д. Щегловка куклу изготавливали из «хлопьев» (льна), которые потом превращались в «намышку» — льняное волокно: «Куклу делали — хлопья ды тряпки, шматочки... Хлопья — это вот лён назывался <...> Ну, намышка, это — волокно льняное. На гребень надеваешь, придешь (особенности диалекта: «придешь» означает «прядешь»). Вот это самое ровное попрялося, а остаток остаеца(особенности диалекта: «остаеца» означает «остаётся») по эту сторону гребня. Вот етто называется хлопья. А намышка — это... на гребень волокно надевают прясть, вот такой клачок (особенности диалекта: «клячок» означает «клячок») — это и есть намышка...» [ААА]. Такая же ритуальная кукла в Тросне делалась из любых кусочков ткани: «Та делалась эта кукла из лоскутьев всяких, шо под руку попадеть, (особенности диалекта: «попадеть» означает «попадёт») главное — шоб красно було...» [ВНЕ].

Акциональные коды представлены различиями в ритуальных действиях. Например, в д. Щегловка закапывание куклы производили на Духов день, а откапывали её через неделю — на Загвины. В д. Тросна же прятали куклу под березу на Николу (22 мая), а шли искать в Духов день.

Вербальный (поэтический), музыкальный и хореографический коды присутствуют в обряде кумления в Щегловке и пгт Большое Полпино. Кумление происходит на Духов день - в понедельник, примерно на 51 день после Пасхи (ср. [1. С. 482—487]), раскумливаются на Загвины (ср. [2. II том, С. 237—238]). Однако здесь присутствует разный социальный уровень. Если

в Щегловке обряд проводили только замужние женщины, то в Большом Полпино участвовали только девушки. При этом исполнялась хороводная песня «У нас по травке...»:

У нас по травке,
У нас по муравке
Там ходить-гуляеть
Удалой молодчик.
Ходить, вызывать
Девку за ворота:
«Выходи-ка, девка
С парнем побороться».
Вышла-вышла девка
С парнем побороться.
Девушка парня
Поборола-одолела:
Белую рубашку
Она на ём порвала.
Фетровую шляпу
Она ему свалила.
Сафлоновым сапожкам
Каблучки отбила.
Вышла яго матери,
Стала девушку пеняти:
«Бесстыдница девка
Как тебе не стыдно,
Как же твоим глазкам,
Глазкам не позорно.
Ты моего сына
Сильно пристыдила.
При большом народе,

Большом карагоду».
А девица парня,
Она пожалела:
Рубашку зашила,
Шляпу йму надела,
Каблучки подбила.
Парень взвеселился
И пошёл до дому [КЕА].

В Щегловке также исполнялись обрядовые песни при кумлени, однако тексты не сохранились, единственное, что известно, это форма исполнения — хороводный танец (исполняется на Духов день; участники — замужние женщины (количество не ограничено); место проведения — опушка леса; типы движений — круговые, против часовой стрелки).

Музыкальный инструмент в каждой деревне был свой: в д. Щегловка — дудочка из тростника, в пгт Большое Полпино, с. Ружное, пос. Согласие — гармонь.

В каждом селе на праздники Троицкой недели одевались по-разному. Здесь обнаруживаются особенности функционирования предметного кода. Например, в с. Ружное существовали специальные троишные рукава, сшитые из отбеленного холста с выделкой (узор выделки уже был на холсте, который приобретали на ярмарке), и имеющие брыжи — манжеты и чёрно-красную вышивку на них с кисточками — харботами. Именно этот атрибут одежды выполнял функцию «распознавания праздника по наряду». Их пришивали к рубахе ровно на 24 часа — в Духов день, а ранее на саму Троицу (в воскресенье) носили уже кумачи (рукава из красной хлопчатобумажной ткани, или как её называли в селе «бумажная» ткань).

В Щегловке были распространены уже не понёвные варианты, как в д. Соколово (11 км от Щегловки) и в д. Святое, а сарафаны — малороски, также как и в Согласии, а в с. Отрадное, пгт Большое Полпино и д. Тросна женщины одевали городские «парочки», состоящие из юбки и кофты.

Локальной особенностью описываемых территорий является полное отсутствие «Семика» (как термина, так и праздника, а также обрядов, связанных с ним), несмотря на наличие водоемов в некоторых деревнях. Однако в пос. Согласие и с. Ружное среди местных жителей бытуют легенды о русалках и утопленниках, которых надо бояться и поэтому занавешивать окна в Троицын день: «Русалок боялися, потому и окна нанавешивали (особенности диалекта: «нанавешивать» означает «занавешивать»). Вот придешь у хату, и ня достанет тебе никто. Купаться ня ходили, зазовёт, защекочет, и поминай как звали» [ММК].

Безусловно, главными символами Троицы были берёзка и венки, с которыми связано множество обрядов, и в зависимости от удаленности деревень друг от друга их элементы варьировались и трансформировались. Например, в д. Щегловка на берёзу ленты не завивали вовсе, а украшали ей дома в Троицын день (воскресенье) (ср. [1. С. 610—612]) вместе с нюньками (аиром), которые стелили в избах и в церкви.

В с. Ружное пол в избах (а также до 1943 года – в церкви Казанской иконы Божией матери) застилали уже тростником – явором (особенности местных названий: явор – аир болотный, он же тростник) в Родительскую субботу. Также ставили берёзки, а матицы украшали ветками клёнов. В пгт Большое Полпино берёзу ставили на Николу (22 мая) и никогда на Троицу, причем посреди деревни (ср. [2. I том, С. 157—158]), а не в каждом доме, при этом водили хороводы, опять же, не завязывая никаких лент (ср. об украшении берёзки лентами: [1. С. 610]).

В с. Отрадное берёзку ставили на Духов день в избе (ср. [5. С. 350]). Крыльцо и окна дома обязательно обрамляли цветущей калиной; иконы украшали засушенной с Пасхи травой-текучкой (плауном).

Различия прослеживаются и в обрядах, связанных с плетением венков. В д. Щегловка венки плели из баранца и чабреца (скреплялись венки аиром), святили в церкви, затем пускали на воду и гадали, а потом они перекочевывали в сундуки на хранение до следующего года: «У лес ходили,

такие цветы есть духовные — богородская травка. Вянки кругленькаи — вот такие-то... Пляли сами дома. Да и в платочки йих, да и шли. Да ещё букеты на руках... Домой нясли после церкви. А дома прибирай, куды хочешь. К иконе иль на стенки вешай на год. Иль в сундук. Открьишь, поцалуишь йих, цвятки енты и вянки, и у сундук» [ИЕИ].

В с. Овстуг венки надевали на кочаны капусты. В д. Соколово венки освящали в церкви, а потом клади на богов (в красный угол) рядом с иконами. В д. Тросна кроме венков также святили траву, которой затем устилали полы в доме.

В с. Ружное и в пос. Согласие венки плели из куколя (васильков) и других полевых цветов (за основу брали рожь) как оберег от русалок.

После праздника венки какое-то время хранили на богах, а после помещали в яму, где хранили картофель. Сверху покрывали всё полыньё и шишками от лопуха. Считалось, что от этого в ямах не будут заводиться мыши, лягушки и насекомые.

В пгт Большое Полпино венки пускали по реке и гадали по ним о судьбе. В обряде участвовали женщины, некоторые из которых были вдовами. Считалось, что если веноч потонет, то жизнь будет короткая, если нет — длинная, если запутается в траве и камышах — сложная и тяжелая:

У перву очередь гадали на вянках, а как же! Дявичьи вянки — долю показавать, замужние — вернётся ль муж с войны...

Чай вянки

Поверх воды,

А мой потонул,

Чай мужья

С войны пряшли,

А мой ня пряшёл...

И отгадвають... Длинна песня была. Усю ня помню... Побросали вянки... Чай потонули — судьба будить короткая, если поплыл —

продлённая, а заплутался, там же кусты есть, камыши, — сложная, заплутается у жисти... [КЕА].

Также существовали особенности и в праздничных угощениях. Например, в д. Щегловка главным ритуальным блюдом были липЕшки из пшеничной муки (после революции, а раньше липЕшки делали из ржаной муки) с конопляной начинкой: «Хто липЕшку начиняить, то коноплю толкли — семена... Потом водой разводили, горячей, кипячёной... Обмыкали еты липЕшки...» [ИМН]. А в д. Соколово липЕшки делали пресными и обмакивали в отвар из размоченных в кипяченой воде зёрен конопли.

В с. Ружное, пос. Согласие и пгт Большое Полпино обрядовой пищей считалась яичница. Д. К. Зеленин отмечает, что яичница является угощением для русалок, а в целом данный обряд, возможно, был сопряжен с культом растений [4. С. 418—420].

Повсеместно во время праздников женщинам (особенно беременным) запрещалось работать: стирать, шить, прясть, белить печь: «Троишная неделя — самая грешная неделя. Ничяго няльзя делать на яё. Шить няльзя, стирать — грех. Работать — няльзя, бяременной женщине ни у коем случаю!» [КЕА].

Ещё одним интересным элементом троицкой обрядности Брянщины является обряд «похороны Костромы». В с. Ружное Кострома представляла собой обычное соломенное чучело (ср. [1. С. 634]). Молодые девушки несли его в Духовское воскресенье (диалектное название праздника «Троица» - 50-ый день после Пасхи. В 2016 году будет отмечаться 19 июня). через рошу в лес Орловик, потом куклу сжигали и прыгали через костёр. Считалось, что таким образом можно укрепить здоровье и отогнать нечистую силу.

Некоторые обряды связаны с культом растений, а также с культом «заложных покойников». В с. Ружное и пос. Согласие «заложными покойниками» считали умерших насильственной смертью или самоубийц: «У нас у посёлке случай один был. Пошёл на Троицу мужик молодой на ряку и не вернулся. Нашли потом — мёртвого, увесь у тине. Поговаривают, что во всём заложные вяноваты. Завлякли и жисть забрали...» [МАА].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Во всех населенных пунктах празднования проходили по-разному, каждый обряд представляет собой сложное переплетение различных кодов, и каждая локальная особенность предметного или акционального кода обряда связана с географическими и историческими особенностями данной местности.

2. На исследуемых территориях не упоминается ни термина Семик, а также не существует и аналога данному празднику (в основном из-за отсутствия водоемов).

3. Не всегда возможно отличить исконные обрядовые формы от реконструкций, выполненных на основе печатных источников;

4. Северо-восток Брянщины отличается своеобразной локальной обрядовой спецификой, тогда как в западной части региона (Красная Гора, Новозыбков и Злынка) фиксируются совершенно другие обряды; это обусловлено в значительной мере тем, что на данной территории проживали старообрядцы.

Литература:

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: весенне-летний цикл. М., 2002.

2. Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. (Статьи: Л. Н. Виноградова, В. В. Усачёва «Берёза» (I том), Т. А. Агапкина «Заговенье» (II том)).

3. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.

4. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

5. Коринфский А. А. Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск, 1995.

Список информантов:

ААА — Анишина А. А. (урожд. Пунина), 1923 г.р., д. Щегловка, Навл.

ВНЕ — Власова Н. Е, 1939 г.р., пгт Большое Полпино, Брян.

ИЕИ — Иванчикова Е. И. (урожд. Салтанова), 1913 г.р., д. Щегловка,
Навл.

ИМН — Иванчикова М. Н. (урожд. Борзыкина), 1939 г. р., д. Щегловка,
Навл.

КЕА — Кузина Е. А. (урожд. Дашунина), 1922 г.р., пгт Большое
Полпино, Брян.

ММА — Машичева М. А., 1938 г.р., с. Ружное, Карач.

ММК — Мажукина М. К. (урожд. Макаренкова), 1930 г.р., с. Ружное,
Карач.

Сокращения:

Брян. — Брянский р-н, Карач. — Карачевский р-н, Навл. —
Навлинский р-н,